

С.Н. Ковалев

Донецкий институт рынка и социальной политики, Украина

ДИАЛЕКТИКА СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ В ФИЛОСОФИИ ГЕРАКЛИТА

В статье рассмотрены вопросы интерпретации некоторых фрагментов гераклитовской мысли, в частности категории логоса, свободы и необходимости. Показаны источники и внутренний мотив понимания данных категорий в контексте универсального логоса бытия.

Значение Гераклита в истории философской мысли, пожалуй, трудно даже и переоценить. Выдающийся древнегреческий мыслитель из ионийского города Эфес Гераклит (VI в. до н.э.) вместе с милетской школой составляет так называемую ионийскую философию. Влияние его идей испытали такие мыслители, как Лейбниц, Шлейермахер, Лассаль, Ницше, Гете, Гегель (который указывал на то, что нет ни одного положения Гераклита, которого бы он не принял в свою логику) и другие. Об актуальности идей представителя ионийской философии свидетельствует тот факт, что фрагменты высказанных идей Гераклита переведены на латинский язык – Муллахом, на немецкий – Шлейермахером, Шульцем, Нестле, Коном, на французский – Таннером, на английский – Патриком, Фербанксом и Бернетом, на русский – С. Трубецким и Г. Церетели, на итальянский – Е. Теца. За последние десятилетия актуальные вопросы различных трактовок античных источников философской мысли приобрели хрестоматийный характер и в основном стали достоянием не активных научных дискуссий, а различных учебных пособий. По этой причине мы не указываем научную литературу последних лет, посвященную рассмотрению данной проблемы в их отвлеченно-академической манере, но речь пойдет прежде всего о тесной связи тех или иных идей Гераклита в их историческом развитии с текущими проблемами социума. В этой связи хотелось бы отметить тот факт, что сама природа философского знания требует постоянного внимания не только к философской рефлексии, но и к творческой компоненте идей, к пониманию и осмыслению эйдоса прошлых эпох данных категорий и их влияние на дальнейшее развитие самосознания и современное их прочтение и понимание, так как они выступают онтической составляющей человеческого бытия и персонализирующими в становлении конкретного человека как личности.

Цель данной статьи: показать за метафоричностью и образностью Гераклитовских высказываний онтологическую универсальность категорий Логоса, свободы и необходимости. Вскрыть их смыслообразующую онтико-онтологическую сущность.

В своих представлениях о мире Гераклит выдвигает идею о внутренней раздвоенности (противоречивости) всего сущего – вещей, явлений и самого единого мира. Он рассматривает этот мир как саморегулирующийся процесс, определяемый единым и всеобщим первоначалом.

Поскольку мир раздвоен в своем существовании, внутренне противоречив, то этот факт должен находить отражение в искомом первоначале. Оно у Гераклита представлено в двух аспектах: как огонь и как логос. Первое есть изменчивое и общематериальное начало, второе составляет собственно закон смены последовательных состояний мира и есть нечто неизменное. Огонь он отождествляет с логосом, они у него неразсторжимы, огонь – логичен, а логос – огненен. Противоположности чередуются друг с другом в поступательном

ритме мировой жизни, причем ни одна из них не может взять верх. Логос у Гераклита заключает в себе космическую правовую норму, верховную космическую справедливость, выражая меру и порядок для всего сущего. Подобное понятие было у Анаксимандра (*dike*). Огонь здесь не физичен, ни в коем случае эти космические стихии (вода, земля, огонь и воздух) не следует овеществлять. Это космическая пра-материя, различные состояния которой образуют физический мир.

По Гераклиту, противоположности переходят друг в друга. Темнота и непонятность Гераклита, о которых говорят его современники, вызваны тем, что Гераклит стремится не к формальной правильности, которая требует внешне-непротиворечивых высказываний, а к истине, суть которой как раз и состоит в единстве нерасторжимых и противоречивых моментов. Дело, причем, усложняется двойственностью самой истины по отношению к миру: мало того, что мир раздвоен, так и истина по отношению к нему также имеет два образа, дающие различную подлинность существования, множественную правду. Напомним, что речь идет о подлинности мирской и мировой. Мирская подлинность отягощена фрагментарностью и засильем превращенных форм жизни, различных вариантов видимости – но вся эта фантазмагория бытия не взялась откуда-то извне (из ничто?), а суть своего рода изнанка бытия. Эта изнанка не может рассматриваться как бытие недостаточное или ложное. Оно имеет истину, заключающуюся в том, что на пути становления самосознания человеческого духа снимается отчуждение субъекта от мира, и они, субъект и мир, взаимопревращаются¹: мир становится человеческим, а человек выходит на мировой уровень, – он не остается бытовым и частным подневольным лицом, а освобождается в качестве всемирно-исторической личности.

И прежде чем мы будем говорить об истинности самого мира для человека, не мешало бы провести более точный подсчет самих истин мира. Вместо моно-идеи единой и единственно-однозначной сущности, о которой говорит простая форма рационализма, мы видим совершенно иную картину. **Первое**, это истина собственно **диалектическая**, выражающая двойственность понимания вещей, их противоречивую суть. Эту истину отчетливо содержит и внятно выражает гегелевский логос. Она служит *подступом* к миру, позволяет правильно подойти к нему. Однако, как показал ход истории, ее легко девальвировать и разменять на различные идеологические штампы. Мы не хотим быть несправедливы к идеологии, плох не сам размен, а его неизбежность. **Второе**, истина **сохраняющая**, она и двойственная, мирская и мировая. Таким образом, перед нами истина в **трех** обликах: истина, говорящая о *подступе* к миру, – как подойти именно к его сокровенной сути. Это диалектика. Далее, истина мирская, позволяющая *проникнуть* в мир бытовых форм и повседневных запросов, которые можно *диалектически* разложить в рамках мирского бытия. Но при этом нет нужды выходить за пределы мирского, ибо истина мирского хранит его в неприкосновенности. Поэтому мы и назвали эту истину сохраняющей. Мышление в этой истине логично назвать *релятивным*. **Третья истина** – мировая. Это мир абсолюта, субстанциональных и вечных архетипов, эйдосов, символов. Он держится в своей онтологической истине, которая также характеризуется как сохраняющая и открывающая (это мир в его исходности). Такое мышление обладает качеством *субстанциональности*. Таким образом при всем проведенном разделении истин мир един.

Раннегреческие философы и Гераклит, пожалуй, особенно ярко умели мыслить изначальное единство всеобщего неподвижного начала (*arche*) и единичных изменяющихся вещей.

¹ Есть хороший богословский термин – пресуществляться. Он соответствует нашему описанию. Человек и мир **пресуществляются**, перестают быть в разрыве между собой, меняют свою природу. В пресуществлении происходит трансформация сущности самым коренным и радикальным образом, превышающим и гегелевское снятие.

Гераклит призывает прислушиваться к голосу самого космического Логоса, говоря, не мне, но Логосу внимаю, мудро согласиться, что все едино [1, с. 199]. Это высказывание свидетельствует о преодолении Гераклитом своей частной субъективности, когда мыслитель ссылается не на свое мнение, а на голос бытия. Он отмечает соотношение мирского и мирового таким образом: «И с чем они в самом непрестанном общении {с логосом, управляющим всеми вещами}, с тем они и в разладе» [1, с. 191]. Здесь отражена и ситуация, описанная в приводимом высказывании Анаксимандра (из чего вещам рождение...). Логос управляет через сами же вещи, которые окружают человека, и потому космический Логос пребывает не где-то в занебесных сферах и недостижимых высотах, но постоянно присутствует в мире человека. По Гераклиту – истина независима от субъективных мнений всех людей, она есть Логос, а логос есть всеединство, и все вещи должны постигаться в их всеединстве. Однако за вещами Логос для бытового мышления неразличим – это относится к нашему утверждению о полноте и замкнутости мирской истины. Здесь, таким образом, продолжается фундаментальная тема раскрытия философией онтологических структур человеческого существования и выявления того ракурса умо-зрения, который позволяет увидеть в своем внутреннем опыте эту космичность бытия. Философия здесь выступает как практика *перенастройки* сознания, его перефокусировки, *отстройки* от доминирования бытовых требований.

Гераклит, не будучи в строгом смысле рационально мыслящим философом (он, скорее, мыслитель-практик), утверждает представление о судьбе как необходимости и полагает сущностью судьбы «разум (логос), творящий (все) вещи через (их) “бег-в-противоположные стороны”» [1, с. 201]. Возвращаемся к этому фрагменту и еще раз продумаем вопрос: как это возможно и что это вообще означает?

В рамках обиходного, формально-логического дискурса это суждение звучит явно неосмысленно. Речь идет об определенном творении вещей. Они уже есть, но отдельно от человека; чтобы перевести их в плоскость человеческого бытия, разум должен совершить с ними операцию перевода, переводящую их в сферу понимания, подать их в таком ракурсе, в котором они могут быть поняты, истолкованы. Для этого разум и производит такое разбегание-раздвижку вещи, позволяющее представить ее в соответствующей *мере*, определенную границами противоположных сторон-определений. Представление-перевод ставит вещь перед человеком, она попадает в область его понимающего внимания. Поставить вещь – значит сделать ее, подобно тому, как режиссер ставит спектакль. Вместо слова «спектакль» так и говорится – постановка, потому что все дело в этом становлении, когда определяющим фактором становится участие разума – режиссера ли или иного субъекта. Таким образом, в этом высказывании Гераклит обозначает принципиальную *переводимость* вещей мира из их статуса вещей-самих-по-себе в ранг вещей человеческого бытия. Отсюда и мысль, что должно познавать все вещи в их всеединстве, в их многосторонности, в их закономерности.

Оригинально ставится мыслителем и вопрос о соотношении личностной свободы человека и его зависимости от общественных установлений, социальной необходимости. Он решается Гераклитом не в пользу выбора одной из этих альтернатив, а пониманием их точного соответствия. Для него свобода не есть синоним своеволия как некоего акта демонстративного нарушения норм поведения. Свобода в том, что граждане должны отстаивать законы полиса как крепостные стены, и даже еще более решительно. Здесь нет никакого противоречия между необходимостью следования законам и свободой человека, эти два модуса времени человеческого бытия совпадают, как это и должно быть. Ведь следование необходимости здесь не определяется безволием и бессилием субъекта, который и хотел бы сопротивляться, но не может этого сделать. Как раз наоборот, чтобы следовать законам полиса, его воля должна быть отточена, как разящий клинок, закалена, как дамасская сталь, а личностная сила – бурлить и мощно направлять. Эту не-

обходимость он принял как безусловную и сделал это свободно. Таков сам Гераклит, – выполняемая им необходимость, она же свобода суть качества мирового времени. Жители же Эфеса пребывали в закрытом состоянии мирского бытия. Оставались ли они свободными, не выполняя требования законов? Нет, конечно. Они оставались рабами мирского существования. В мирском времени его модусы свободы и необходимости отчетливо разделены и разобщены, в мировом они совпадают в *пресуществляющем* единстве. Вот парадокс: Гераклит следовал исполнению необходимости и был свободен, жители, напротив, следовали свободе и оказывались в тисках бытовой необходимости.

Язык Гераклита поэтически образен, метафоричен. Он, по сути, творит миф, высказывая в своих изречениях собственный мистический опыт постижения единства и противоречивости сущего. Его речь сказывает в обиходных словах, в противоречии, но направлена из мирского в мировое.

В силу метафорической образности высказывания Гераклита нуждаются в работе по их интерпретации и, вместе с тем, их можно понимать и совершенно буквально.

Гераклит, например, говорит о вечности как ребенку, играющему в шашки, вечность он определяет как царство ребенка. В этом лаконичном суждении использованы три фундаментальных понятия¹: вечность, ребенок, игра. Соответственно, уяснение мысли Гераклита требует анализа контекстов терминов «ребенок» и «игра». Неисчерпаемость этих тем в мировой культуре ведет и к бесконечным вариантам трактовки этого фрагмента, но эта бесконечность не означает необязательности каждого из них. Множественность трактовок не делает их случайными; образуется целый диапазон интерпретаций, взаимосвязанных между собой. Первая и самая простая трактовка может носить вполне обыденный характер: играющий ребенок находится вне времени, он не замечает его течения, он – в вечности.

Широко известен знаменитый отрывок из Гераклита: «Этот Космос, единый для всего сущего, не создал никто из богов и никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерно возгорающийся и мерно угасающий» [1, с. 217].

В этом фрагменте знаменательны, кроме всего прочего, слова «...и никто из людей...». Почему вдруг Гераклит заговорил о таком фундаментальном деле, как создание Космоса, с точки зрения неучастия в этом человека? Разве это не очевидно? Ладно, оговорка по поводу богов может быть принята, с ними дело обстоит туманно, но какое отношение к возможному генезису Космоса имеет человек? Можем ли мы предположить, что самомнение человека в ту далекую, технически и научно неразвитую эпоху было столь велико, что потребовалось это гераклитовское замечание? Претензии человека пришлось ограничить, поскольку они не соответствовали качеству его разума. В «Феноменологии духа» Гегель пишет о подобной ситуации: «Разум заверяет только, что он – вся реальность, но сам этого не понимает, ибо названный забытый путь есть понимание этого непосредственно выраженного утверждения» [2, с. 125]. Предварительно Гегель говорит о необходимости проделать определенный путь к распознаванию смысла высказывания, тогда как «непосредственно выступающий разум» считает себя готовым сразу дать его значение. Разум, не проделавший предварительного пути к пониманию, говорит пустыми декларациями. Он воображает себя свободным высказывать какие угодно мнения, тогда как на самом деле даже не ведает о своей примитивной простоте.

Здесь начинает звучать вторая тема гераклитовской мысли, которая не обозначена ясно у других раннегреческих философов, – тема человека, его самопознания. Обычно она при изучении Гераклита особо и не акцентируется, затушеванная его метафориче-

¹ Во времена самого Гераклита эти слова, разумеется, не выступали понятиями, но он обиходному просторечию *задает* направленность в фундаментальную онтологию. В этом подлинная значимость мыслителя: он разворачивает внимание человека на Логос, выводит его из поглощенности стихией окружающих вещей.

ской поэтической речью, звучащей как бы из самой вечности в наглядно-универсальной символической форме. Между тем, здесь особенно отчетливо и ясно видно совпадение противоположностей в познании – то, о чем он и учил. Речь идет о тождестве двух процессов познания: относительно внешнего, предметно-материального мира и внутреннего мира человека, о *совпадении* познания и самопознания. Гераклит не отделяет себя от мира, он слышит внутренним слухом мировую Речь и удивлен, что другим она не доступна. «Для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих каждый отворачивается в свой собственный» [1, с. 198]. Появление множества миров – сколько людей, столько и миров – при том, что все живут совместно, в одних пространственно-временных координатах, говорит о проявляющемся взаимном *отстранении* людей. Как только человек вышел из объединяющей организации родовой общины с ее религиозно-мифологическими структурами власти, базирующимися на бессознательном начале в человеке, как сразу возникают центробежные силы обособления личности. Рост личностного сознания начинается с формирования эго, замкнутости. Свобода здесь имеет несобственную форму своеволия. Со временем простое отстранение дойдет до состояния *отчуждения*. Пробуждение (бодрствование) здесь понимается как приход к самому себе в существующей же реальности: нирвана и сансара совпадают, как учит буддизм махаяны. «Всем людям, – говорит Гераклит, – дано познавать самих себя... Мудрость же в том, чтобы говорить истину и действовать согласно природе, осознавая» [1, с. 198]. Спустя более тысячу лет экзистенциалист Ж.П. Сартр провозглашает свой знаменитый принцип, который полностью перекликается с идеей Гераклита. Так Сартровский принцип гласит: человек одинок и никто не в состоянии ему помочь, кроме него самого. Отношение миров, т.е. людей, Сартр раскрывает как конфликт, подрывающий любые формы общения. Человек у него абсолютно одинок. Он вынужден открывать себя и весь мир заново, на путях свободного проектирования отношений с другими: отношения господства и подчинения у него сменяются любовью, а ее, в свою очередь, ведут к поискам новых форм коммуникации невидимые силы бытия. И если герои, например, Кьеркегора, отрываются от людей и их суда, чтобы говорить один на один с Богом, то у Сартра Бог вообще не слышит людей.

Но вернемся к Гераклиту. Характеризуя эпоху, в которой творил свои идеи великий мыслитель, мы видим, как он подчеркивает свою ничтожность и суетность всего мирского. Темпоральность, актус эссенди всех явлений пред лицом мирового Логоса. Все это он выразил в тезисе: «*Omne ens est unum*» – «Все сущее одно». Не менее интересна и Гераклитовская идея полингенезии – постоянного изменения, обновления всего существующего благодаря вечному огню. Эту же мысль мы находим и у Платона, только она у него получила свое развитие через идею бесконечного обновления человеческой души, в результате ее постоянного преобразования.

Можем ли мы сказать о том, что вся дальнейшая европейская философия выступает не чем иным, как не развернутым комментарием к этим словам?

Все дело в ответах на вопросы: что есть **истина**, о которой говорит Гераклит? Что вообще **есть**? Как истину высказать **адекватно**? Согласно **какой** природе надо действовать? В чем сущность и смысл? Каково это **согласие**? Что значит «**осознавая**» – учитывая, что человек должен пробудиться, не будучи реально спящим? И, вместе с тем, интуитивно, на невербальном уровне эти продуманные и наполненные мыслью слова понятны, но таково это понимание, что оно хочет реализовать себя и вот это его рождение в мире происходит медленно, в заблуждениях и слепоте.

Суждения Гераклита выражают уровень космического обобщения, хотя и построенны на обыденном материале. Читателю необходимо уметь следовать за ним, не ограничиваясь первым буквальным восприятием. Если философия есть откровение премудрости в самом человеке, эксплицируемая через его творческое усилие, и если она есть принад-

лежность к мировому, т.е. космическому Логосу, соборному Разуму, то именно эту принадлежность к космическому логосу и отразил в своих мыслях ионийский мудрец. Гераклит оперирует не рациональными понятиями, а смыслообразами, образами-понятиями (река, лук, лира, война, дорога и т.д.). Это позволяет ему различать, но не отрывать друг от друга всеобщее и единичное, сущность и явление, рациональное и чувственное.

Как отнестись к тому, что речь Гераклита допонятийна, проста, наглядна и безыскусна? Потеряла ли она существенное, истинное и необходимое нам, не будучи уснащенной сложными и рационально проработанными терминами? Хайдеггер по аналогичному поводу (в отношении Анаксимандра) говорит так: «... Там, где не предпосланы отраслевые границы, вовсе не обязательно господствует лишь безграничность неопределенного и расплывчатого. Пожалуй, напротив, там может приходиться к речи свободный от всякого отраслевого упрощения собственный остов чисто мыслимого предмета» [3, с. 36]. Действительно, сложность технических терминов, обильно присутствующих в речи современного отраслевого ученого, инженера, мнимая, она возникает из дробления и формализации предмета и механистична по существу. Поэтому внешне сложные, рационально определенные термины являются как раз следствием упрощения дела и здесь язык простых, но продуманных слов, обладает преимуществом в удержании искомой целостности предмета рассмотрения.

Ф. Кессиди отмечает, что «со времен Платона и Аристотеля одной из главных идей в мировоззрении Гераклита считается идея всеобщего течения и изменения» [4, с. 78]. Это как раз то, о чем говорил Хайдеггер, а именно, что история раннегреческой философии оценивается через призму учений Платона и Аристотеля. Учитывая эту особенность, необходимо осторожнее подходить к оценкам, высказанным в учебной литературе, и стремиться высказываться по существу дела, не пересказывая устоявшиеся мнения, а если и пересказывать, то так их и называть – мнения. Необходим собственный анализ фрагментов Гераклита (и, конечно, других мыслителей).

Наиболее известен у Гераклита образ реки (нельзя войти дважды в одну реку...), которая символизирует вечно изменяющийся, но остающийся постоянным мир. «Изменяясь, покоится» – говорит Гераклит. Поэтому нельзя односторонне говорить, что философия Гераклита – это учение о становлении мира и только, поскольку всегда Гераклит подчеркивает единство обеих сторон – движения и покоя, преходящего и вечного. Лишь Космос чужд относительности: он вечен и ему присущи абсолютные красота, благо и справедливость.

Мы констатируем, таким образом, что Гераклит продолжает основополагающую мысль Анаксимандра о соотношении изменения и покоя и ориентирован в целом на утверждение нового видения мира: в *мирское* существование погружено без остатка *исходное* и *мировое* бытие, которое требуется узнать в обыденном и привычном повседневном порядке. С таким ракурсом хорошо соотносится положение Гегеля, что «идея налична и действительна в явлениях, а не где-то за пределами и позади явлений» [5, с. 127]. Нечто подобное мы находим и у Аристотеля в его учении о форме. Что означает утверждаемое совпадение двух уровней действительности с их двойственной истиной? Точка, в которой происходит онто-образующий поворот в бытии, ведущий к раздвоению мира и его истины, есть то, что поначалу противопоставляет себя бытию – сознание человека. Сознание, начиная мыслить, раздваивает мир на явления и сущность, и это его способ узнать, что есть оно само. Но при таком рассудочном подходе сознание так и остается в рамках голого и абстрактного противопоставления себя бытию – либо в рамках подчинения ему, в материализме, либо подходит с позиций первенства, самодостаточности – в идеализме. Чтобы разорвать порочный круг соперничества с бытием – а это соперничество иначе как онтологической игрой Космоса с самим собой не назовешь – сознание

понуждается¹ довести свое же разделение до правильного завершения, продолжить разделение уже в рамках рассмотрения нескольких равновеликих истин о мире, нескольких сущностей мира. Если этого не делать, мир заполняется призраками, образованными мифологией, или, как отмечал английский мыслитель Ф. Бэкон, идолами – политики, науки и религии, а также заполняется разного рода видимостью, превращенными формами бытия и его деформация мало-помалу становится составной частью реальности. Вывести призраки на свет самосознания, растворить их в истинной мысли и тогда увидеть всю относительность этого растворения, разглядеть их действительное место в мире – вот это очевидность прозрения разума делает его дальновидным и умеющим эффективно действовать в гармоническом созвучии с Универсумом. Призраки бытия при этом перестают быть только призраками и, наконец, получают свое долгожданное освобождение.

Все же некоторая ремарка здесь будет уместна. Почему из двух, практически равноосновных концептов-приципов – становления и единства (покоя) – мы сейчас делаем упор на второй? Согласимся, что по смысловому качеству они эквивалентны. Но по их значимости в мирском уровне они различаются. Текучесть более заостряет внимание на временности и оставляет в ней, фиксирует субъекта в сохраняющей мирской истине. Субъект все более и более обмирщается и, следовательно, слепнет, забывает себя в исходном онтологическом статусе. Его мышление релятивизируется, делает упор на относительности сущего (на всем оно видит печать неизбежного падения...). Мировой покой присутствует здесь в измененном виде *догмы* и бездумного принятия социальных стереотипов. Текучесть мира вырождается в софистику и бесконечные увертки. Но и здесь, безусловно, есть выход к исходному бытию. Истиной надо уметь пренебречь! Принцип *единства* в отношении выхода к мировому времени обладает некоторым преимуществом, так как требует более простого – легче реализуемого – усилия субъекта. Направленность его рассуждений ясно определена: «Вся сила нашего ума, – пишет Николай Кузанский, – должна вращаться вокруг уточнения понятия единства...» [6, с. 207].

Новое гераклитовское видение прокладывает путь к Логосу из состояния обыденной повседневности. Из «здесь и сейчас» он предлагает сразу очутиться в вечности и его собственное внимание умеет совмещать эти два полюса текущего времени-становления и пребывающей вечности-пространства. Состояние совмещения означает доминирование *покоя*, но не как антитезы движению, а в том тонком различии значений, о чем мы вели речь. Гераклитовское видение в окончательной редакции суть не непрекращающееся движение, как его обычно толкуют, а *специфическая форма покоя*. На этом фоне последующая элейская философия есть продолжение мышления в прежних основополагающих канонах вечности и временности, свободы и необходимости.

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному мы можем констатировать тот факт, что в понимании идей Гераклита, при чтении его фрагментов, важно, как правильно заметил еще Х.Г. Гадамер, уловить и понять не только смысл сказанного, а осмыслить то предметное содержание («суть дела»), с осмыслением которого и связан данный текст. Так в этом случае мы наблюдаем как в понимании сказанного свершается истина, которая и выступает как характеристика самого бытия, и ее понимание есть универсальный способ освоения мира, который и есть тот самый вечный процесс поиска смысла. Что же касается самой истины, то она независима от субъективных мнений всех людей, а есть сам логос

¹ Понуждается тем, что его нещадно гнетет окружение, давит и преследует, ввергает в несчастья и неприятности. Здесь не успокойсья! Нужда заставит вертеться – но бытие хочет хаотическое *верчение* превратить в становление.

бытия и философ не должен превращаться в филодокса и заниматься не поиском истинности тех или иных понятий и идей, пересказом множества мнений, а удел его осуществить познавательное освобождение от подавленности бытия, познать и слиться с Логосом бытия, услышать и осуществить откровение премудрости в самом человеке и через его творческое усилие над собой осуществить тождественность с бытием.

Таким образом, в лице Гераклита человеческая мысль впервые поняла и открыла закономерность и законосообразность природы. Его идеи составили, – говоря терминологией Гуссерля, – тот «жизненный мир» исконно человеческих «смысловых формаций», которые предшествовали рождению и становлению науки и философии как теоретической формы самосознания и которая позволяет человеку осуществить свободу выхода к новым горизонтам бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М., 1989.
2. Гегель. Феноменология духа / Гегель. – М., 1959.
3. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге. – М., 1991.
4. Кессиди Ф.Х. Гераклит (мыслители прошлого) / Кессиди Ф.Х. – М., 1982.
5. Гегель. Наука логики / Гегель // Энциклопедия философских наук : в 3 т. – М., 1974. – Т. 1.
6. Кузанский Н. О предположениях / Н. Кузанский // Соч. : в 2 т. – М., 1979. – Т. 1.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. / Поппер К. – М., 1992. – Т. 2. Время лжепророков : Гегель, Маркс и другие оракулы.
8. Гегель. Философия истории / Гегель // Собрание сочинений. – М. ; Л., 1929 – 1959. – Т. 8. – 1935.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. / Поппер К. – М., 1992. – Т. 1. Чары Платона.
10. Космос и душа. Учение о Вселенной и человека в Античности и Средние века (исследования и переводы) / [общ. ред. П.П. Гайденок, В.В. Петрова]. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 880 с.

С.М. Ковальов

Діалектика свободи і необхідності у філософії Геракліта

У статті розглянуті питання інтерпретації деяких фрагментів гераклітівської думки, зокрема категорії логосу, свободи і необхідності. Показані джерела і внутрішній мотив розуміння даних категорій у контексті універсального логосу буття.

S.M. Kovalev

Dialectics of Freedom and Need in Heraclitean Philosophy

The article covers the problems of treatment of heracleitean thought, in particular, the categories of logos, freedom and need. The sources and inherent motive of understanding these categories in the context of universal logos of objective reality are revealed.

Статья поступила в редакцию 01.09.2010.